

Роль бытовых описаний в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (литературный анализ в процессе преподавания литературы в университете)

NATALIA KUBÝSHINA, *Universidad Autònoma de Barcelona*

natahakub@gmail.com

RESUMEN

En el presente artículo se propone un estudio analítico de la novela en versos “Eugenio Oneguín” de A.S. Pushkin basado en el análisis lingüístico y estilístico que permite el desarrollo de la capacidad del estudiante para comprender la forma poética, establecer la relación entre el significado directo y el figurado y percibir el lenguaje literario. Estudios de este tipo son esenciales para la metodología moderna de formación de la competencia de la lectura de los estudiantes en el proceso de la enseñanza de la literatura rusa en las universidades. Como ejemplo se analiza la descripción de la vida cotidiana, más concretamente de los hábitos gastronómicos, en la obra de A.S. Pushkin y su función en la caracterización de los personajes.

Palabras clave: “Eugenio Oneguín”, lenguaje poético, hábitos gastronómicos

The Role of Descriptions of Daily Life in A. S. Pushkin’s Novel *Eugene Onegin* (Literary Analysis in the Process of University Literature Teaching)

ABSTRACT

This article offers an analytical study of the verse novel “Eugene Onegin” by A. S. Pushkin, based on a linguistic and stylistic analysis. The approach permits students to develop their capacity to understand poetic forms, establish relations between direct and figurative meanings and gain a perception of literary language. Studies of this type are essential in modern methodology for developing students’ reading competence in the teaching of Russian literature at universities. As an example, the study focuses on descriptions of everyday life — specifically, gastronomic customs — in the work by A.S. Pushkin and considers their function in the depiction of the characters.

Keywords: “Eugene Onegin”, poetic language, gastronomic customs.

Желудок - верный наш брегет
И кстати, я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,

О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,

Ты, тридцати веков кумир!

(Гл.5, строфа XXVI)

Без знания особенностей быта первой четверти девятнадцатого столетия восприятие романа «Евгений Онегин» не будет полным: вне реалий того времени трудно представить себе жизнь героев, понять их поведение. А.П. Чудаков, мечтавший написать тотальный комментарий к «Евгению Онегину», о котором думал все последние годы, был убеждён, что изучать роман надо при помощи медленного последовательного чтения, и даже предлагал заменить традиционный университетский курс введения в литературоведение комментированным чтением «Евгения Онегина», обращая внимание на мельчайшие бытовые детали. Он предостерегал, что: «мы не

должны обольщать себя мыслью, что наши представления совпадают с читательскими времени Пушкина – даже о самых простых вещах...» (Чудаков, 2005: 210).

Впервые в круг литературоведческих интересов ввёл изучение бытовых фактов и реалий различных эпох Ю.М. Лотман, писавший, что быт – это часть культуры, а в художественной литературе он выступает, прежде всего, как знак культуры, как символ, указывающий на главные черты мировоззрения, менталитета героев (Лотман, 1994:21). В качестве знаков и символов могут выступать самые разнообразие стороны быта, в том числе и еда. Излишне было бы в рамках этой статьи делать обзор литературы, посвященной семиотике быта в художественных текстах, знаковой природе кулинарии, начиная от статей Р. Барта и Ю. Лотмана и заканчивая последними выпусками «Трудов по знаковым системам». Заметим только, что известный структуралист-антрополог Клод Леви-Стресс в книге «Происхождение застольных манер» рассматривал кулинарию как язык, на котором общество бессознательно раскрывает свою структуру, и как инструмент, позволяющий изучать социологические оппозиции, а Ролан Барт в своих работах «Мифологии» и «Маркиз де Сад и XX век» проанализировал гастрономические описания как феномены семиотические, определив их роль в той или иной литературной реальности и показав важность исследуемой темы.

Вот почему, когда на одном из занятий по русской литературе XIX века студенты факультета Славянской и Западноевропейской филологии МПГУ (Московского Педагогического Государственного университета) на спецкурсе по творчеству А.С. Пушкина выразили желание послушать под Рождество лекцию о русской национальной кухне вместо положенной по программе лекции о романе «Евгений Онегин», мы решили использовать этот интерес студентов к русской кухне для того, чтобы вызвать у них вкус к чтению и литературному анализу романа, и подготовили курс лекций о том, что, где и почему ели герои «Евгения Онегина».

Нетрудно было найти материал о кулинарных пристрастиях персонажей: на страницах романа щедро рассыпаны гастрономические описания, собрав которые воедино можно не только лекцию прочитать, но и написать эссе, воспевающее красоту русского быта начала девятнадцатого века и рассказывающее об экзотической кухне петербургских элитных ресторанов того времени. Читая роман, мы узнаём, какие вина пил лирический герой в молодости и почему в зрелую пору жизни предпочитал «Бордо благоразумный», что входило в меню Онегина в модном ресторане Talon, мы видим блеск самовара и слышим его уютное шипенье в доме Лариных, до нас доносится аромат крепко заваренного «душистого чая», бегущего «тёмною струёю» из китайского чайника по чашкам, наблюдаем, как гостям «несут на блюдечках варенья», досадуем вместе с автором на «к несчастью, пересоленный» «жирный» пирог на именинах Татьяны и т.д. Весь этот «кулинарный антураж», по терминологии В.В. Похлёбкина, служит воссозданию атмосферы тех лет, вызывает у читателя эффект реальности, или, как её называл Барт, эффект «конкретной реальности» в художественном произведении, которая «... сама по себе является достаточной причиной, чтобы говорить о ней» (Барт, 1992: 396).

Мы стремились к тому, чтобы в результате литературного анализа «мелочей» быта студенты приблизились к пониманию авторского замысла и характеров главных героев его романа. Если литературные персонажи могут «бессознательно раскрываться» не

только в своей манере одеваться или говорить, но и в своих кулинарных предпочтениях, почему бы не попытаться понять героев, а также выявить любовную и социологическую оппозицию в романе при помощи гастрономических описаний? В художественном произведении все детали и описания значимы, потому что текст строится по законам гармонии, подчиняясь замыслу художника, а значит, и все бытовые описания, в том числе и описание кулинарных пристрастий героев на страницах “Евгения Онегина” не прихоть автора, а часть общего замысла и, возможно, именно они могут стать ключиком к решению многих вопросов, возникающих при чтении этого романа, построенного на любовном сюжете: «А счастье было так возможно, / Так близко!..»

Что помешало счастью героев? Почему в начале романа Онегин отвернулся от Татьяны, хотя уже тогда, при первых встречах, догадывался о своём чувстве к ней: “Я вас люблю любовью брата, / А может быть, ещё сильней” и удивлялся выбору Ленского: «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт». Почему не сумел или не захотел увидеть в провинциальной Татьяне ту женщину, без которой через несколько лет не сможет и дня прожить: “Я знаю: век уж мой измерен, / Но чтоб продлилась жизнь моя, / Я утром должен быть уверен, / Что с вами днём увижусь я”. Почему Татьяна, продолжая любить Онегина, приказывает ему её «оставить»?

Можно ли при помощи анализа гастрономических описаний попытаться ответить на эти вопросы и объяснить причину трагедии главных героев? Итак, мы сформулировали тему лекции при помощи проблемного вопроса. Для нас очень важно замечание М.Бахтина о том, что «в непосредственное соседство с едой и вином приводятся многообразнейшие вещи и явления мира, в том числе самые духовные и возвышенные» (Бахтин, 1975: 327). Конечно, лекция могла бы называться «Гастрономические описания в романе «Евгений Онегин» или «Традиционная русская и европейская кухня в романе», но эти заглавия носят описательный характер, в них нет того соединения материального мира с духовным, о котором упоминал М. Бахтин, в них отсутствуют элементы проблемности, нет указания на конфликт романа.

По убеждению психологов (Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др.), без интереса не может быть успешного обучения, а пробуждают интерес к той или иной теме, чаще всего, учебные проблемные ситуации, особенно парадоксального характера, ведь в основе парадоксальных проблемных ситуаций лежит противоречие, вызывающее такие эмоции, как неожиданность, удивление, любопытство. Ещё Аристотель заметил, что знание начинается с удивления, поэтому нам представляется очень важным применение проблемных методов в обучении и создание проблемных ситуаций в процессе преподавания литературы. Речь идёт не о противопоставлении проблемного метода другим методам обучения и не об универсальности проблемного типа обучения, но присущие ему качества - новизна, занимательность, высокий уровень трудности - создают у студентов эмоционально-положительное отношение к теме изучения, что является необходимым условием для эффективного обучения. Так, предложенная нами проблемная тема лекции сначала всегда вызвала удивление студентов, заставляя их усомниться в возможности такого подхода к роману, а затем побуждала их к внимательному чтению строф, содержащих гастрономические описания, чтобы с их помощью объяснить любовный конфликт или опровергнуть такую возможность подобного объяснения.

Таким образом, наша задача заключалась в том, чтобы из разнообразного бытового контекста, изображенного в «Евгении Онегине», остановиться лишь на одном, кулинарном, и при помощи историко-литературного комментирования текста и лингвостилистического анализа гастрономических описаний увлечь студентов чтением и изучением романа. Именно эту цель – медленное и внимательное вчитывание в текст – мы достигаем, заставляя студентов много раз перечитывать те или иные строфы романа в поисках ответа на поставленный вопрос. Помимо того, чтобы вызвать интерес к чтению, мы также стремились пробудить у студентов интерес к литературному анализу, познакомить их с приемами исследования поэтического текста и открыть перед ними возможности творческого подхода к обучению, базирующегося на хорошей профессиональной подготовке в области теории и истории литературы.

Согласно дидактическим принципам развивающего обучения (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, И.Я. Лернер и др.) лекция, как мы уже говорили, должна носить проблемный характер, вовлекать студентов в диалог как с преподавателем, так и с автором изучаемого произведения, поэтому ведущим методом обучения стал метод проблемного изложения с элементами исследовательского метода, по классификации И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина (Лернер, 1993: 566).

В содержательную основу курса лекций легли достижения литературоведения в трактовке бытовых деталей в тексте художественного произведения. Мы уже упоминали два разных методологических подхода к теме еды в литературоведении: традиционного (А. Чудаков) и семиотического (Р. Барт, Ю. Лотман). Вне зависимости от того, рассматривать ли бытовые детали как выражение художественной позиции автора или как систему кодов, для темы нашей лекции важно то, что филологи разных направлений – и А. Чудаков с его интересом к материальному миру «Евгению Онегину», и Р. Барт с его убеждением в значимости реального мира произведения – придавали большое значение самым, казалось бы, незаметным, «случайным» деталям быта, в том числе, и гастрономическим.

Начнём с того, что сам автор «Евгения Онегина» иронично замечает своё пристрастие к описанию еды, оправдывая себя сравнением с «божественным» Гомером, посвятившим также немало строк пирам в «Одиссее»:

Желудок - верный наш брегет
И кстати, я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

(Гл.5, строфа XXXVI)

Сказано шутливо, с иронией, которая создаётся за счёт сближения таких контрастных понятий, как еда и творчество, пища насущная и пища духовная. Это сближение реализуется и лексически, в смешении разностилевых слов («желудок», «пробки» – «божественный», «кумир») и ритмически, в соединении рифмующихся пар

(«скóбках – прóбках», «строфа́х – пира́х»). Начал Пушкин с описания еды, а закончил поэзией – упоминанием «божественного» Гомера, соединяя самые низменные и самые возвышенные понятия. В чём смысл такого соединения? Каковы значения слова «пир»? Почему Пушкин считает нужным сказать о том, что он часто ведёт речь о пирах? Что значила эта тема в русской поэзии девятнадцатого века, в ранней лирике Пушкина?

В зависимости от подготовленности аудитории, эти вопросы, как и последующие, разные по уровню трудности, проблемно излагаются лектором или могут быть предложены студентам в качестве исследовательских заданий, которые станут частью запланированной заданий. Как и при выполнении других подобных самостоятельных работ во время изучения этой темы преподаватель помогает студентам в подборе литературы и в составлении плана сообщения, а также знакомит студентов с разными видами комментирования и приёмами литературного анализа текста.

Тема пира – одна из любимейших тем русского Золотого века, которая берёт своё начало в поэзии Кантемира, затем развивается в творчестве Державина, Батюшкова, Вяземского, Пушкина, получая новые и неожиданные трактовки. Как пишет Томас Венцлова, «пиршество, дружеское застолье для Золотого века было не только поэтическим топосом, но и бытовым ритуалом со своими строго установленными формами», который «переосмыслил установленные ценности, отменял определенные иерархии» и воспринимался «как выход в царство свободы». (Венцлова, 1992: 382) В этой теме существуют повторяющиеся формулы и модели, устоявшиеся микромотивы, среди которых чаще всего называются следующие: собрание друзей, посвященное веселью и стихам; свободу от условностей; отказ от трезвости и житейских забот; чашу, вино, розы; быстротечность времени; любовные измены.

Какие из этих микромотивов присутствуют в романе «Евгений Онегин» и как они интерпретируются?

Легко заметить, что вино часто появляется в строфах, описывающих быт Онегина, особенно в первых шести главах, т.е. в первой части романа, по первоначальному замыслу Пушкина, но синонимом «свободы, поэзии и веселья» оно становится только в лирических отступлениях. Мы узнаем, что ест и пьёт главный герой, но мы не узнаем ни чувств, ни мыслей Онегина на дружеском застолье.

В первой главе романа, где описывается юность Онегина, его жизнь в Петербурге, мы читаем, что Евгений «помчался» в ресторан, где обычно обедал, и узнаём, что входила в его меню:

К Talon помчался: он уверен,
 Что там уж ждёт его Каверин.
 Вошёл: и пробка в потолок,
 Вина кометы брызнул ток.
 Пред ним roast-beef окровавленный
 И трюфли - роскошь юных лет,
 Французской кухни лучший цвет.
 И Страсбурга пирог нетленный
 Меж сыром любургским живым
 И ананасом золотым.
 (Гл.1, строфа XVI)

Обратим внимание на то, что Пушкин выбрал для своего героя модный французский ресторан Талона на Невском проспекте. В своих комментариях к роману Ю.М. Лотман пишет, что именно этот ресторан, просуществовавший до 1825 года, был местом сбора холостой петербургской молодёжи - “львов” и “денди”.

Из текста видно, что Онегин был завсегдатаем этого ресторана, желанным и жданным посетителем: стоило ему появиться, как сразу же открыли бутылку шампанского La Comete, вина 1811 года, обильный урожай которого связывался с появлением кометы. Бутылка этого шампанского «стоила чрезвычайно дорого и была доступна только богатым гурманам»: вино урожая 1811 г. (La Comete) стоило 130 франков, тогда как 1822 г. - 16 франков (Харджиев, 1991). Этот исторический комментарий даёт представление об образе жизни Онегина, характеризуя его как богатого молодого человека, «забав и роскоши дитя».

Радостное нетерпение Онегина передаётся стремительным мельканием глаголов в первых четырех строчках: помчался - уверен - ждёт - вошёл. Пробка так быстро вылетела, выстрелила в потолок, что и глагол, только замедляющий время, опущен: “Вошёл: и пробка в потолок.” И чем динамичней энергичные фразы, описывающие появление Онегина в ресторане, тем статичней последующие, натюрмортные, строки: Пушкин внезапно останавливает бег времени, как бы предоставляя нам возможность вместе с Онегиным насладиться изысканностью блюд. Лотман, комментируя эту строфу, пишет о том, что “кровавый ростбиф”, блюдо “английской кухни, “как и “Страсбургский пирог нетленый”, консервированный паштет из гусиной печёнки, - модные новинки в ресторанах того времени. Бросается в глаза нарочитая экзотичность, пестрота иноязычных названий, чуждых русскому слуху. Гастрономические предпочтения Онегина позволяют говорить о его утончённом изысканном вкусе, а также о его социальной принадлежности к высшему дворянскому сословию и, разумеется, о материальном достатке. Мы видим, что Онегин - вполне светский человек, comment il faut, избалованный аристократ, для которого важно и что, и где, и в каком обществе обедать: только самую изысканную еду в самом модном и дорогом ресторане, в избранном обществе таких же светских молодых людей, как он сам.

Обращает на себя внимание торопливость, суетность героя: Онегин «помчался» в ресторан, где его уже ждут, и хотя, как пишет Пушкин, «Ещё бокалов жажда просит / Залить горячий жир котлет», у Онегина нет времени и он столь же стремительно, как и появляется в ресторане, уезжает из него, опаздывая в театр. Пушкин подчёркивает, что после театра, также «стремглав», «Онегин поскакал» на бал. Из этого описания мы видим, что главный герой, действительно, «и жить торопится, и чувствовать спешит», а ещё через несколько строф, в конце первой главы при помощи того же самого кулинарного антуража передаётся разочарованность героя в жизни, в друзьях, в любви:

Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой

И сыпать острые слова,
 Когда болела голова.
 (Гл.1, строфа XXXVII)

Таким образом, Слово «пиры» употребляется в первой главе как синоним «наслаждения», как отказ от житейских забот и светских условностей (строфа XXX-VI). Гастрономические описания помогают понять образ жизни главного героя и его жизненные ценности. Они являются своеобразным знаком избранности Онегина, его принадлежности к кругу “золотой” петербургской молодёжи, а также передают его душевное состояние.

Вторая глава начинается с противопоставления двух напитков: «наливки» - «вино». Онегин, приехав в деревню, обнаружил в дядюшкином шкафу «наливок целый строй, кувшины с яблочной водой» - самодельные дешёвые напитки провинциальных помещиков. Мы видим главного героя глазами его деревенских соседей, в один голос осудивших непохожего на них «опаснейшего чудака», который вместо наливок пьёт красное вино, да ещё в больших количествах:

Он фармазон; он пьёт одно
 Стаканом красное вино;
 (Гл.2, строфа III)

Роман насыщен литературными реминисценциями. Сатирическое семантическое соединение понятий «вино» и «вольнодумие» заставляет вспомнить Чацкого, которого тоже обвиняли в том, что «он вольность хочет проповедать» и вино пьёт «бочками сороковыми». В обоих произведениях прослеживается параллель между вином и свободомыслием, в один синтаксический ряд ставятся понятия «красное вино», «опаснейший чудака», «фармазон». В этих описаниях впервые появляется социальная оппозиция аристократического столичного образа жизни Онегина и скромного быта провинциальных помещиков, проявляющаяся в контрастности напитков: «дорогое красное вино» - «дешёвые самодельные наливки». Кроме того, налицо политическая оппозиция: «вольнодумец», «мудрец пустынный» Онегин, учредивший в своих владениях «порядок новый» («Ярём он барщины старинной / Оброком лёгким заменил»), и консервативные помещики, «расчётливые» соседи. Наконец, нельзя не заметить социологической оппозиции «свой» - «чужой»: «соседей дружная семья» - «опаснейший чудака». Вино становится символом независимости и свободомыслия главного героя.

В четвёртой главе происходит описание дружеского ужина, которым Онегин угощает Ленского:

Перед камином стол накрыт,
 Евгений ждёт: вот едет Ленский
 На тройке чалых лошадей;
 Давай обедать поскорей!
 (Гл. 4, строфа XLIV)

Но мы не узнаем, что ели герои. Пушкин опускает описание обеда, возможно, потому, что уже с максимальной выразительностью использовал его для характеристики Онегина в первой главе, а возможно потому, что обедал Онегин в обществе поэта-романтика Ленского, к тому же страстно влюблённого. В этом случае можно говорить о семантическом противопоставлении понятий «еда-любовь». По лаконичному определению Жуковского, «романтизм – это душа», поэтому трудно представить себе влюбленного романтического героя, к тому же поэта, занятого поглощением пищи. Другое дело – вино:

XLV

Вдовы Клико или Моэта
 Благословенное вино
 В бытылке мёрзлой для поэта
 На стол тотчас принесено.
 Оно сверкает Ипокреной,
 Оно своей игрой и пеной
 (Подобим того-сего)
 Меня пленяло: за него
 Последний бедный лепт, бывало,
 Давал я. Помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Рождало глупостей не мало,
 А сколько шуток и стихов,
 И споров, и весёлых снов!

XLVI

Но изменяет пеной шумной
 Оно желудку моему,
 И я Бордо благорозумный
 Уж нынче предпочёл ему.
 К Ли я больше не способен;
 Ли любовнице подобен,
 Блестящей, ветреной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, Бордо, подобен другу,
 Который, в горе и в беде,
 Товарищ завсегда, везде,
 Готов нам оказать услугу
 Иль тихий разделить досуг.
 Да здравствует Бордо, наш друг!

Почти две строфы Пушкин посвящает описанию вин, и мы не ошибёмся, определив жанр этих строф как гимн вину – источнику шуток, веселья и, главное, вдохновения: «Оно сверкает Ипокреной». И если шампанское ассоциируется с любовницей, то вино – с дружбой. Метафора «шампанское – любовь», как вообще мифологизация вина в романтической поэзии, возникает из традиций античной, анакреотической, лирики и французской литературы. В ранней пушкинской лирике нередко встречается сопоставление шампанского с любовью (см. стихотворения «К Батюшкову», «Моё завещание», «Друзьям», «Гроб Анакреона», «К студентам», «Пирующие студенты» и др.) В одной из недавних работ на интересующую нас тему можно прочитать, что

«в романе «Евгений Онегин» Пушкин диалогизирует с этой традицией, сохраняя вместе с тем ее ценность – а это свидетельствует о том, что модель античного пира близка мышлению Пушкина» (Чавдарова: 223), но нам кажется спорным утверждение о гармонии двух сфер (любовь – пища) в романе. В этом можно усомниться хотя бы потому, что, как мы уже говорили, Татьяну мы никогда не видим за приготовлением еды или за едой. В то время как Ольга разливала чай, Татьяна «Прелестным пальчиком писала / На отуманенном стекле / Заветный вензель О да Е» (Гл. 3, строфа XXXVII). Забегая вперёд, заметим, что мы также не найдём описания кулинарного антуража в последней главе романа, потому что влюблённому Онегину не до еды:

Сомненья нет: увы! Евгений
 В Татьяну, как дитя, влюблён;
 В тоске любовных помышлений
 И день и ночь проводит он
 (Гл.8, строфа XXX)

Анализируя две строфы, посвященные вину, заметим «разность между Онегиным» и автором лирического отступления. В первых четырёх строчках, в которых описывается ужин в доме Онегина, мы находим точное, но скупое описание вина: название двух лучших марок французского шампанского (Цявловский: 79) – «Вдовы Клико или Мозта» – и то, что оно подавалось очень холодным, «в бутылке мёрзлой», но мы не увидим описания атмосферы дружеского застолья, ведь последующие строки, насыщенные эпитетами и метафорами, передают не чувства героя романа, а чувства автора этого лирического отступления: вино, чью струю он называет «волшебной», его «пленяет», оно «рождает» «весёлые сны». Именно для него, а не для Онегина, вино ассоциируется с вдохновением, стихами, мечтами (метафора «весёлые сны»), шутками, спорами, глупостями, нарушением привычных светских условностей поведения во время дружеского застолья. Каждой строфе присущ свой характер. В первой из них Пушкин отдаёт дань беззаботной романтической юности, слагая гимн шампанскому, а во второй строфе, уже с реалистических позиций взрослого, умудрённого жизнью человека метафорически противопоставляет шампанское, подобное «Блестящей, ветреной, живой, / И своенравной, и пустой» любовнице, – Бордо, подобное другу и товарищу, готовому «завсегда, везде» «оказать услугу / Иль тихий разделить досуг»; «шумную пену» веселых разговоров – благоразумию, введя прозаизм «желудок», особенно выделяющийся на фоне высокой лексики первой строфы (благословенное, Ипокрена, лепт, пленяло, волшебная).

Так, помимо перечисленных нами выше функций описаний вина в романе, оно выступает и в качестве противопоставления автора и его героя («Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной»), и в качестве противопоставления жизненных и творческих этапов самого автора: от романтического юношеского периода жизни к взрослому, от романтизма к реализму.

Анализируемая нами четвёртая глава – последняя, в которой есть гастрономические описания, характеризующие Онегина. Из этой главы мы узнаем, как устроил быт своей «святой», по определению Пушкина, тихой и уединенной жизни в деревне, петербургский денди: «... по утрам свой кофе выпивал, плохой журнал перебирая, И

одевался...» (строфа XXXVI), а после прогулки его ждал «обед довольно прихотливый, бутылка светлого вина» (строфы XXXVIII.XXXIX). Обратим внимание студентов на то, что кофе – дорогой и непривычный для русских напитков, насильно введённый Петром Первым, – еще раз будет упомянут в искаженном написании, так как произносит это незнакомое ей слово ключница Анисья в разговоре с Татьяной об Онегине: «Здесь почивал он, кофей кушал» (гл.7, строфа XXVIII).

Пушкин подчёркивает, что Онегин и в деревне старался не изменять своим привычкам и оставался гурманом. Буквально всё, что перечисляется в этих строфах, – и кофе, и светлое вино, и, конечно, прихотливый, изысканный обед – всё это выделяется на фоне скромной и небогатой жизни помещиков, к которым принадлежала семья Лариных. Изображение быта Лариных даётся по контрасту с описанием быта Онегина.

Во второй главе Пушкин замечает, что отец Татьяны «в халате ел и пил» тогда как Онегин, одевшийся «как денди лондонский» в Петербурге, и в деревне тщательно одевался с утра. Ларин часами проводит время в беседах с «нецеремонными друзьями», с соседями, которых избегал Онегин:

Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора.
И гости едут со двора.
(Гл.2, строфа XXXIV)

Чай – первое, что упоминает Пушкин при описании «деревенского обычая», когда в доме, где есть дочери, любого приехавшего в деревню молодого человека прочтат в женихи. Так и Ленского все соседи принимают за выгодного жениха и первым делом зовут к самовару:

Взойдёт ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят ей гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..
(Гл.2, строфа XXXII)

Надо сказать, что многие филологи (Е. Ермилова, Д. Чавдарова, Е. Фарыно и др.) называют чай одной из наиболее главных мифологем русского мышления и отмечают, что чай и чаепитие в русской литературе обладает богатой символикой: это, прежде всего, «совместное питьё», «единение», «идеальная родина». В вышеприведённой строфе, помимо двух первых значений, мы можем также назвать «знакомство», «сватовство». Чаепитие, во время которого Дуня должна была «примечать», по-видимому, знаки внимания, оказываемые невесте, стоит в одном ряду с намёками о скуке холостой

жизни и пением-призывом. Ю. Лотман, комментируя этот фрагмент, пишет, что «смысл содержащейся здесь реминисценции раскрывается из сопоставления с цитатой из неоконченного «Романа в письмах» Пушкина: «...живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов» (VIII, 47). Кларисса Гарлов (Гарлоу) — героиня известного одноименного сентиментального романа Ричардсона... Сочетание подчеркнуто нелитературного имени Дуня, самого образа играющей на гитаре провинциальной барышни с сентиментальной деталью — «разливает чай» — создает иронический эффект. Он еще более подчеркнут лирической для Ленского параллелью:

Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темную струю
Уже душистый чай бежал...
(Гл.3, строфа XXXVII)

Иронический характер первых стихов и лирический вторых более или менее понятен всякому читателю, в том числе и не чувствующему здесь литературных реминисценций. Однако понимание намека и ощущение параллелизма этих сцен придает тексту глубину, смысловую емкость. «Евгений Онегин» построен так, что его можно воспринимать на разных уровнях проникновения в смысл» (Лотман, 1995: 476).

Пушкин несколько раз возвращается к упоминанию чая и самовара, они занимают центральное место в гастрономических описаниях жизни Лариных, тогда как совершенно отсутствуют в строфах, посвящённых быту Онегина:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился лёгкий пар.
Разлитой Ольгиной рукою,
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стёкла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.
(Гл.3, строфа XXXVII)

Как мы уже говорили, трудно представить себе Татьяну за приготовлением или, тем более, за поглощением еды, даже за чаепитием. Это не соответствовало бы её романтическому образу: неслучайно, что дважды чай был разлит не Татьяниной, а Ольгиной рукой. Пушкин подробнейшим образом, очень «вкусно» описывает чай. Мы слышим уютное шипенье самовара, видим «тёмную» струю хорошо заваренного крепкого чая, ощущаем его «душистый» аромат и наслаждаемся теплом от клубящегося лёгкого пара в холодный зимний вечер.

Примечателен персонифицированный образ самовара, наделенный важностью из-за той особой роли, которая была ему отведена в этом доме: книжное деепричастие “блистая” выделяется с обеих сторон паузами и рифмующимся с ним деепричастием “нагревая”. Ощущение важной неторопливости создаётся и при помощи вокализма (смеркАлось - блистАя - самовАр - КИТАЙСКИЙ - чАйник - нагревАя - пАр).

В отличие от торопливого ритма, в котором велся рассказ о жизни Онегина в первой главе, описанию жизни семьи Лариных присуща спокойная интонация, как нельзя лучше передающая их неторопливый, размеренный образ жизни:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод.
.....
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.
(Гл.2, строфа XXXV)

Во всех строфах, посвященных описанию помещичьего быта, Пушкин подчёркивает традиционность семейного уклада Лариных, которая передаётся на всех лексических уровнях. При помощи глаголов «хранили» – «любили» – «говели»; существительных, прилагательных и наречий: жизнь «мирная», т.е. спокойная и размеренная, старина «милая» (обратим внимание на этот эпитет, выражающий отношение автора к старине), блины «русские» (сравним с лексикой первой главы, описывающей быт Онегина: *roast-beef*, *beef-steaks* и пр.), в их доме не просто угощают, а совершают «*обряд* известного угощения», «...тяжёлые *услуги*/ Гостеприимной старины», «И за столом у них гостям / Носили блюда *по чинам*», «...девицы чинно / Едва за блюдечки взялись» и т.д. – всё говорит о русскости, степенности, иерархичности, благопристойности, традиционности дома Лариных. Понятие «дом», возникающее вместе с понятием «еда», значимо в романе: у Татьяны есть «дом» – место, где она счастлива. Она стремится из своего столичного «модного дома», где «блеск, шум и чад», где ей «душно», в своё «бедное жилище», которое дважды в романе ассоциируется с книгами, природой, первой любовью, кладбищем, где лежит няня. А где дом Онегина? – Нигде, он всюду «чужой», везде его ждёт хандра. Контрастно изображая главных героев, Пушкин всеми средствами подчёркивает «русскую душу» Татьяны, традиционность жизненных привычек и взглядов, которые в самую трудную минуту её жизни, минуту выбора между долгом («честью») и любовью («позором»), помогают ей сделать выбор, которого Онегин никак не ожидал после её признания.

Несмотря на явную симпатию Пушкина к “привычкам милой старины”, «умной старины» (гл.2, строфа II), он с немалой долей иронии, присущей и Онегину, пишет об ограниченности этой простой, русской семьи. Как правило, рассказу о жизни четы Лариных сопутствует описание еды. Недаром автор иронично замечает, что без кваса они жить не могут, употребляя гиперболу: «Им квас как воздух был потребен» (Гл.2,

строфа XXXV). И нас уже не удивляет, что почти сразу после этого выразительного сравнения следуют слова о закате жизни Лариных: «И так они старели оба» (Гл. 2, строфа XXXVI). Даже кончина Ларина ассоциируется у Пушкина с едой: «Он умер в час перед обедом» (Гл. 2, строфа XXXVI). Жизнь в этой семье измерялась каким-то другим, не астрономическим, а гастрономическим временем – временем завтрака, обеда, чаепития, ужина.

Если во второй главе мы видим жизнь семьи Лариных глазами автора, который иронично, но с любовью изображает «милую старину», то в следующей, третьей главе, она дается через восприятие Онегина, свысока, пренебрежительно относящегося к Лариным и к их дешёвым, домашнего изготовления, напиткам: «Боюсь: брусничная вода мне не наделала б вреда» (гл.3, строфа IV). Причем, Онегин характеризует Лариных и высказывает свое отношение к этой семье в беседе с Ленским еще до того, как познакомился с ней.

Отселе вижу, что такое:
 Во-первых (слушай, прав ли я?),
 Простая русская семья,
 К гостям усердие большое,
 Варенье, вечный разговор
 Про дождь, про лен, про скотный двор...»
 (Гл.3, строфа 1)

-Я тут еще беды не вижу.
 «Да, скука, вот беда, мой друг».
 (Гл.3, строфы I, II)

И он не ошибся в своих предположениях относительно разговоров и еды, упомянув в беседе с Ленским варенье:

Обряд известный угощенья:
 Несут на блюдечках варенье,
 На столик ставят вощаной
 Кувшин с брусничною водой.
 (Гл. 3, строфа III)

Ларины не стремятся и не могут поразить своих гостей невиданными и дорогими закусками, их деревенские угощенья просты и обычны. Вспомним, что мать Татьяны, хозяйственная помещица, «солила на зиму грибы», заготавливала ягоды – использовала дары природы в своём незамысловатом быту. Для Лариных приготовление еды, церемония еды, и, конечно же, уже упоминаемое чаепитие, – одно из важнейших дел в их провинциальной, бедной внешними событиями жизни.

Такая жизнь не могла привлечь боящегося скуки Онегина: “Да скука, вот беда, мой друг”, – так объясняет он Ленскому своё отношение к семье Лариных и нежелание ехать к ним. Он наперёд знает, как мы уже видели, о чём там будут говорить, чем будут угощать. Именно банальность – как еды, так и беседы – отпугивала Онегина. Мог ли он стремиться к стилю жизни Лариных? Ни в их образе жизни, ни в Татьяне, любовь которой и завоёвывать не надо, не таилось для него ничего привлекательного, всё, как

ему казалось, было хорошо известно, поэтому в его ответе Татьяне слышится чувство собственного превосходства. Ему ли, избалованному изысканной европейской кухней, лучшими театральными постановками, многочисленными победами над блестящими столичными красавицами, ему ли было увлечься провинциальной мечтательницей, своим искренним и бесхитростным признанием нарушившей все нормы светского поведения, нормы, которым он сам безропотно подчинялся? Какую “славу” могла бы ему принести эта любовная история в обществе, чьим мнением он так дорожит? Что может для него быть страшнее, чем выглядеть смешным в глазах его петербургских друзей?

В литературоведении уже не раз проводились параллели между сном Татьяны и её именинами, между любовью Ленского и Ольги, которая подсознательно могла мешать возникновению возможных романтических отношений Онегина с Татьяной. Хотим высказать предположение, что гротескный характер описания «антипира», если так можно назвать обед на именинах Татьяны, сатирическое изображение гостей, – всё это также могло инстинктивно отпугивать Онегина от семьи Лариных. Ни Онегину, ни Ленскому, для которых, как мы уже говорили, важна не только сама еда, но и сопутствующая ей свободная атмосфера веселья, застольные разговоры, не могли нравиться обеды их деревенских соседей:

Господ соседственных селений
 Ему не нравились пиры;
 Их разговор благоразумный
 О сенокосе, о вине,
 О псарне, о своей родне,
 Конечно, не блистал ни чувством,
 Ни поэтическим огнём,
 Ни острою, ни умом,
 Ни общежития искусством;
 (Гл.2, строфа XI)

Своей кульминации сатирическое описание «антипира» достигло в сцене именин Татьяны в пятой главе. Вновь Пушкин называет Онегина «чудаком», противопоставляя его тем самым другим гостям: «Чудак, попав на *пир огромный*, уж был сердит» (строфа XXXI). Этот «огромный пир» никак нельзя назвать пиром в том смысле, о котором мы писали раньше: пир как весёлое собрание друзей, на котором царят свобода, шутки и стихи, пир как нарушение условностей привычного быта. На именинах Татьяны гости «*Четой / Идут за стол рука с рукой*»; толпа, «*крестясь*», «*жужжит*, за стол садясь» (строфа XXVIII). И далее мы не услышим даже «благоразумного разговора», а только чавканье и звон посуды:

Уста *жуют* Со всех сторон
 Гремят тарелки и приборы
 Да рюмок *раздаётся* звон
 (Гл.5, строфа XXIX, курсив наш)

Мы не знаем, о чём говорят гости, это неважно, ведь про что они говорят мы уже знаем из третьей главы («про дождь, про лен, про скотный двор»), поэтому Пушкин описывает только шум:

Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пицат.

(Гл.5 строфа XXIX, курсив наш)

Достаточно двух метафорических глаголов «жужжат» и «пицат», чтобы передать ироничное отношение к этому обеду, который является пародией на дружеский поэтический пир: как и полагается, на этом пиру есть поэт, читающий стихи, правда, не свои - это «Трике, догадливый поэт», чей «дар» заключается в том, что он извлёк из ветхого альманаха старый куплет и заменил в нём «bella Nina» на «bella Tatiana».

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встаёт...

(Гл.5, строфа XXXIII)

Его фальшивое пенье, вызвавшее «плески, клики» публики происходит на фоне шипенья только что открытого шампанского, которое метафорически передаёт «творческое» томление «поэта»: как бутылка освободилась от пробки и в ней зашипело вино, так и Трике, «...с осанкой важной, / Куплетом мучимый давно», наконец, поёт куплет. Инверсия и причастный оборот замедляют действие и придают значительность всей сцене. Причём, длинная пауза, отделяющая конечное в строке слово «вино» от глагола «шипит», начинающего следующую строку, передаёт напряжённое ожидание кульминационного события на именинах и возникшую тишину, во время которой слышно только шипенье шампанского. Действие замедляется и ритмически, и синтаксически. Пародийная фигура тамбовского француза Трике (по ироничному замечанию Пушкина, он «поэт же скромный, хоть великий») довершает комическое описание «пира».

Хотим обратить внимание на то, что в сцене именин, казалось бы, как нельзя больше нуждающейся в кулинарном антураже, нет подробного перечисления блюд, но очень важно упоминание Цимлянского вина и пирога, хотя функции их описания совершенно различны. Любовные переживания Татьяны и жирный пирог – вот что занимает гостей. На именинах Татьяна Онегин, не терпевший “девичьих обмороков, слез”, был взбешён её полуобморочным волнением от встречи с ним, вероятно, ещё и потому, что это могло быть всеми замечено. Но его опасения были напрасны. Пушкин с иронией пишет о другой, более важной “трагедии”, разыгравшейся за столом, – пересоленном пироге. Именно еда – пирог и вино – находится в центре внимания гостей:

Конечно, не один Евгений
Смятение Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастью, пересоленный);
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;

(Гл. 5. строфа XXXII)

Цимлянское, по замечанию Ю.Лотмана, — донское шипучее вино, по наименованию станицы Цимлянской. И далее, что особенно важно для ответа на поставленный в начале нашей статьи вопрос, замечает, что если Онегин в обычные дни пьёт дорогое французское шампанское, то Ларины даже на празднике угощают своих гостей дешёвым цимлянским. (Лотман, 1995: 644). Так, благодаря упоминанию этого дешёвого вина ещё раз подчёркивается разница в социальном и материальном положении главных героев.

В седьмой главе, кроме кофе, о котором мы уже говорили (Анисья-ключница рассказывает Татьяне, что Онегин «кофей кушал»), вновь упоминается любимое самим Пушкиным «варенье в банках» (XXXI), без которого Ларины не мыслят своего существования и которое вместе с тюфяками и прочей утварью Ларины везут с собой в Москву. Вновь обращает на себя внимание способ противопоставления героев при помощи еды: «варенье» как символ традиционного уклада жизни помещиков среднего достатка и «кофе» как знак принадлежности к обеспеченной и независимой интеллектуальной элите высшего общества. Можно предложить студентам продолжить этот список традиционных и экзотичных блюд, воспользовавшись полученными комментариями: пироги, блины – «Страсбурга пирог нетленный», любургский живой сыр; солёные грибы – трюфли; варенье – ананас; наливки, квас, Цимлянское – Бордо, шампанское La Comete, Клико, Моэт; чай – кофе и т.д.

Таким образом, мы можем выделить наиболее важные функции гастрономических описаний в романе: это воссоздание социальной среды; знак принадлежности к определенному культурному и социальному кругу; расшифровка менталитета героев; как одно из средств раскрытия психологии героев и объяснение логики их поступков, как метафора их душевного состояния, как способ противопоставления автора и его героя и, наконец, как способ выражения авторского отношения к героям и событиям.

Наблюдение над мелочами быта персонажей, историко-литературный комментарий и лингво-стилистический анализ гастрономических описаний и выяснение их функций в романе позволили ответить на проблемный вопрос, поставленный нами в начале статьи. Хотим добавить лишь одно последнее замечание о трансформации понятий «еда» и «питьё» в последних главах.

Если в начале романа, когда автор через воссоздание социально-культурной среды знакомит нас с главными героями, описание еды присутствует в каждой главе, то начиная с шестой главы кулинарный антураж практически исчезает со страниц романа, потому что кардинально меняется тон повествования, начинаются трагические события в жизни главного героя, и прежде всего, конечно, дуэль и смерть Ленского в

шестой главе, что заставило Онегина из созданного светскими законами и принятого им в юности условного мирка с фарсовой любовью (“наукой страсти нежной”), с фарсовым разочарованием (“Как Child-Harold, угрюмый, томный”) и с фарсовой свободой (“Он дамам к ручке не подходит; Всё да, да нет; не скажет да-с Иль нет-с...), выйти в реальный мир, понять жестокость, бессмысленность своего существования («Убив на поединке друга, / Дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов») и испытать истинное разочарование и страсть, которые ни страсбургским пирогом не утешить, ни шампанским - даже вином La Comete - не залить. В последней строфе романа вновь упоминается вино, но уже в высоком метафорическом значении. Как и в приведённой в самом начале статьи строфе, выбранной нами как эпиграф, Пушкин соединяет вещи низменные, обыденные, обеденные (желудок, кушанья, пробки) с самыми духовными и возвышенными (античная поэзия), так и в последних строках романа в одной метафоре объединяются понятия «вино», «жизнь» и «творчество»:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

(Гл.8, строфа LI)

REFERENCES

- Барт, Р. (1992). *Маркиз де Сад и XX век*. Москва: Культура.
- Барт, Р. (1989). *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс.
- Бахтин, М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература.
- Венцлова, Т. (1992). О некоторых подтекстах “Пиров” Пастернака. *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*. Berkeley-Los Angeles-Oxford: University of California Press.
- Венцлова, Т. (1994). *Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе*.
- Выготский, Л. С. (1926). *Педагогическая психология*. Москва.
- Ермилова, Е. (1989). *Теория и образный мир русского символизма*. Москва.
- Изард, К. (1980). *Эмоции человека*, Москва: МГУ.
- Леви-Стросс, К. (2007). *Мифологии. Происхождение застольных манер*. Флюид.
- Лернер, И. Я. (1994). *Проблемное обучение*. Москва.
- Лернер, И. Я., Скаткин, М. Н. (1993). *Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т.* Т. 1. Гл. ред. В. В. Давыдов: Москва.
- Лотман, Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре*, СПб.

Лотман, Ю. М. (1995). Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Лотман, Ю. М., *Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий*. СПб: Искусство.

Похлёбкин, В. В. (1993). *Кушадь подано (Репертуар кушаний и напитков в русской классической драматургии с конца 18 до начала 19 столетия)*. Москва.

Харджиев, Н. И. (1991). Краткая история “вина кометы”. *Русская речь*, 4.

Чавдарова, Д. (2004). *Метафора «любовь - пища» в русской литературе XIX века. Строение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика*. Смоленск: СГПУ, .

Чудаков, А. П. (2005). К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина». *Пушкинский сборник*. Москва: Три квадрата.

Цявловский, М. А. (1931). *Комментарии. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 6 томах*. Москва-Ленинград. Т. 6.